

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 3(64). С. 125–131
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2024;3(64):125–131

Научная статья
УДК 347.1
doi: 10.47598/2078-9025-2024-3-64-125-131

ПОНЯТИЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ОБЗОР СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДОВ

Иван Константинович Мазур

Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия, chempion.99@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу института добросовестности в российском гражданском праве. Автор рассматривает как субъективную добросовестность (основанную на извинительном незнании), так и объективную (принцип добросовестности). Рассматриваются различные подходы к пониманию принципа добросовестности, его возникновению и взаимосвязи с моралью. Автор приводит несколько точек зрения на момент появления принципа добросовестности в российском праве, а также обсуждает разногласия о его правовой природе и специфике применения. В работе ставится акцент на том, что добросовестность, как объективная, так и субъективная, является оценочной категорией, однако принципы ее применения все еще уточняются в судебной практике и в доктринальных исследованиях.

Ключевые слова: добросовестность, принцип добросовестности, субъективная добросовестность, объективная добросовестность, гражданское право, правоприменение, мораль и право

Для цитирования: Мазур И. К. Понятие добросовестности в гражданском праве: обзор существующих подходов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 3 (64). С. 125–131. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2024-3-64-125-131>.

Research article

THE CONCEPT OF INTEGRITY IN CIVIL LAW: A REVIEW OF EXISTING APPROACHES

Ivan K. Mazur

Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, chempion.99@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the institution of good faith in Russian civil law. The author considers both subjective conscientiousness (based on excusable ignorance) and objective (the principle of conscientiousness). Various approaches to understanding the principle of integrity, its emergence and relationship with morality are considered. The author provides several points of view at the time of the emergence of the principle of good faith in Russian law, and also discusses disagreements about its legal nature and specific application. The work focuses on the fact that good faith, both objective and subjective, is an evaluative category, however, the principles of its application are still being clarified in judicial practice and in doctrinal research.

Keywords: integrity, principle of integrity, subjective integrity, objective integrity, civil law, law enforcement, morality and law

For citation: Mazur I. K. The concept of integrity in civil law: a review of existing approaches. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2024;3(64):125–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2024-3-64-125-131>.

Институт добросовестности активно обсуждается цивилистами. Законодательное регулирование предполагает выработку, принятие и исполнение справедливой нормы поведения, однако урегулировать все возможные правоотношения, как и принять во внимание каждый отдельно взятый случай при принятии правовой нормы, невозможно. Тем не менее жизненные обстоятельства предлагают многообразие случаев, когда понимание справедливого разрешения спора и решение нормы в соответствии с буквой закона разнятся, либо когда регулирование отсутствует и лицо не может сослаться на конкретное нарушение его прав, но оставлять такое лицо без защиты несправедливо. Именно невозможность принятия идеального закона привела к идее двух уровней в системе обеспечения справедливости в правоприменении, где первым уровнем является норма закона, а вторым — добросовестность. Именно по этой причине п. 4 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1] содержит союз «или»: «Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения». Данный союз подчеркивает синонимичность незаконности и недобросовестности, а также одинаково порицает любой вид данного поведения.

Юридический язык воспринял единый термин для названия разных юридических конструкций, поэтому в термине «добросовестность» необходимо выделять принцип добросовестности (добросовестность в объективном смысле) и добросовестность как незнание (добросовестность в субъективном смысле). В настоящее время деление добросовестности на «субъективную» и «объективную» (принцип добросовестности) является консенсусом в юридической науке. Работы, в которых смешиваются данные категории, даже если это работы видных цивилистов, относятся либо к самому началу появления добросовестности в законодательстве, либо до его четкого оформления в ГК РФ в качестве принципа. Например, С. К. Скловский в статье 2002 года после определения добросовестности («добрая совесть означает осмотрительность, разумную осторожность, уважительное отношение к праву и контрагенту, исправное

выполнение своих обязанностей и пр.») пишет: «Под ней понимается такое состояние воли лица, которое характеризуется извинительным незнанием объективных препятствий к достижению преследуемой им юридической цели, прежде всего приобретению частного права» [2]. А. В. Егоров в статье 2013 года выделял субъективную добросовестность, однако выделял ее в качестве составляющей принципа добросовестности: «По тексту Кодекса чаще всего законодатель использует не термин „добросовестно“, а оборот „не знал и не должен был знать“, хотя, по сути, последний означает лишь проявление добросовестности в субъективном смысле» [3]. В настоящий момент оба автора имеют работы, где четко разделяют субъективную и объективную добросовестность как разные институты [4–5].

Субъективная добросовестность характеризуется тем, что закон предусматривает, что определенные юридические последствия могут не наступить для лица, которое не знает о каких-либо фактических обстоятельствах [6]. Корни данного принципа прослеживаются еще в римских решениях. Римский принцип права «*Nemo dat quod non habet*» («Никто не может передать больше, чем он имеет»), не мог быть использован без отступлений, именно поэтому со временем появилась конструкция добросовестного приобретателя, право которого возникло при передаче от лица, которое не могло его передать, так как в интересах экономического оборота было отказать настоящему собственнику в защите его интереса отобранием вещи. Характеризуя данный институт, Э. Гаврилов отметил, что его характерная особенность состоит во «владении имуществом лицом, не знающим о пороках своего владения» [7]. Мы не совсем согласны именно с такой формулировкой, так как добросовестность может быть, например, в залоге (абз. 2 п. 2 ст. 335 ГК РФ), но залоговое право является правом распоряжения имуществом, а владение не переходит. На наш взгляд, лучше дать следующую характеристику: «Это признание права за лицом, которое извинительно не знало о пороках совершенной сделки».

Применение субъективной добросовестности достаточно конкретно и всегда урегулировано: конструкция «не знал и не должен (был)

знать» является типичной для определения норм, посвященных субъективной добросовестности в ГК РФ. Субъективная добросовестность определяется только тогда, когда имеет место нарушение прав лица, рассчитывавшего на определенные юридические последствия. Например, ст. 173 ГК РФ предполагает, что может быть признана недействительной сделка, совершенная в противоречии с целями его деятельности или ограничениями в учредительных документах. Владельцы компании, устанавливая такое ограничение, рассчитывали на его выполнение. При нарушении этого ограничения их права нарушены, поэтому необходимо обратиться к субъективной добросовестности — знали ли контрагенты о наличии такого ограничения.

Объективная добросовестность или принцип добросовестности вызывает больше споров в отечественной науке. Добросовестность как принцип была закреплена в п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ после введения в действие Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ (в ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [8], однако легальная дефиниция термина в законодательстве отсутствует. Из толкования ст. 1 ГК РФ Верховным судом в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [9] можно сделать вывод, что добросовестным является поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, который учитывает права и законные интересы другой стороны, содействует ей, в том числе в получении необходимой информации.

Пристальное внимание к принципу добросовестности объясняется тем, что данное явление затрагивает самое сложное в деятельности юриста — формирование позиции, которая не опирается на законы в силу правового пробела, либо которое прямо идет в противоречие с принятой нормой — именно таким задумывался принцип добросовестности.

Об определении принципа добросовестности спорить достаточно трудно, так как высшая судебная инстанция разъяснила его

существующее понимание как некоего стандарта поведения разумного участника оборота (п. 1 Постановления Пленума ВС РФ № 25) [9]. Доктринальные споры возможны, однако большой практической значимости они не несут. Тем не менее в рамках единого понимания в доктрине существуют разночтения.

Первые разногласия, которые можно встретить относительно принципа добросовестности, относятся к моменту его возникновения в российском гражданском праве. По данному вопросу, если исключить случаи, когда объективная добросовестность смешивалась с субъективной, существуют как минимум три позиции:

1. Принцип добросовестности существовал всегда и был закреплён в ст. 10 ГК РФ.

Данную идею высказал Р. С. Бевзенко, критикуя сторонников появления принципа добросовестности в марте 2013 г.: «Всегда была статья 10, устанавливающая санкцию за формально законное, но недобросовестное. В ст. 10 ГК РФ законодатель говорит: а если будете вести себя недобросовестно, злоупотреблять своими правами, то вам будет отказано в защите. Из этого можно вывести подразумеваемую обязанность не злоупотреблять своими формально законными возможностями, то есть... вести себя добросовестно» [10].

На наш взгляд, у такого подхода имеются некоторые недостатки: во-первых, ст. 10 ГК РФ в редакции до 2013 года действовала весьма ограниченно: запрещала только случаи осуществления права с намерением причинить вред другому лицу (эта формулировка сохранилась в п. 1 ст. 10 ГК РФ), тогда как в большинстве случаев недобросовестное лицо действует для того, чтобы извлечь выгоду, а нарушение прав третьих лиц является, скорее, побочным эффектом; во-вторых, единственная санкция состояла в отказе в защите права недобросовестного лица, но против него применить какие-либо санкции, исходя из этой нормы, не представлялось возможным. На наш взгляд, как и в настоящее время, шикана являлась частным случаем принципа добросовестности, но без закрепления принципа (а как отмечает К. В. Нам, до 2013 года принцип добросовестности почти не обсуждался в доктрине [11]), говорить о его существовании в законодательстве, скорее, неверно.

2. Принцип добросовестности существовал всегда и был закреплен в ст. 2 ГК РФ.

Данная позиция отмечена в работе В. Г. Голубцова: «Принцип добросовестности существовал в гражданском законодательстве и ранее... в п. 2 ст. 6 ГК РФ... однако, эта норма фактически не использовалась правоприменителем» [12].

Статья 6 посвящена применению норм по аналогии. Проанализируем предлагаемый отрывок: «При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости».

Аналогия права, то есть применение принципов, стоит в синонимичном ряду с добросовестностью, справедливостью и разумностью. Во-первых, по какой причине, если составители кодекса имели в виду добросовестность как принцип, они выделили его отдельно, а не обобщили в категории «аналогия права», как остальные принципы? Во-вторых, значит ли это, что в гражданском законодательстве закреплены принципы разумности и справедливости?

На наш взгляд, добросовестность, разумность и справедливость использованы в данной статье как первоочередной источник права, но принципы объединены в понятие «аналогия права».

3. Принцип добросовестности появился в 2013 году в связи с изменениями в ГК РФ.

Представителем данного подхода является К. В. Нам, который связывает появление принципа добросовестности с реформированием гражданского законодательства в период 2013–2015 гг., когда был закреплен общий принцип добросовестности, разрешен вопрос о соотношении принципа добросовестности и существовавшего ранее запрета на злоупотребление правом [11]. На наш взгляд, наиболее правильно говорить о появлении принципа добросовестности именно с 2013 года, так как именно с этого момента начали появляться фундаментальные труды о добросовестности, изменилось законодательство, появилась норма для правоприменителей, толкования судов.

Другим вопросом, в котором можно отыскать разночтения в понимании принципа доб-

росовестности является взаимосвязь добросовестности и морали. Тут можно выделить два подхода:

1. Добросовестность опирается на мораль.

Прямую взаимосвязь морали и добросовестности выводит Э. Гаврилов. При дефиниции добросовестности в объективном смысле он отмечает, что это «действия, соответствующие нормам морали» [7]. В работе А. С. Васильева и Д. С. Мурзина отмечается следующее: «Во всех сферах, где применяется объективная добросовестность, ее предназначение одинаково — утверждать здоровые моральные начала в правовых отношениях. Также независимо от сферы применения присутствует четкое понимание объективной добросовестности как честности в широком понимании» [13].

Исследователи, придерживающиеся этого подхода, считают, что добросовестность выводится из норм морали и является некоторой формой узаконенной морали, которая не может быть урегулирована нормами права.

2. Добросовестность и мораль не являются взаимосвязанными.

Сторонниками данного подхода являются В. Г. Голубцов и Н. В. Нам. В. Г. Голубцов пишет: «Принцип добросовестности в гражданском праве опирается не на этические нормы как таковые, а на закрепленные в законе равенство участников гражданского правоотношения и свободу их волеизъявления» [12]. Н. В. Нам рассуждает о том, насколько добросовестность является частью формальных юридических норм, и приходит к выводу, что добросовестность служит «необходимости обеспечения действия формальных норм тем целям, которые преследуются правом, в том числе требованиям справедливости, честности, соблюдения баланса интересов сторон» [11].

Таким образом, исследователи исходят из того, что принцип добросовестности является продолжением права, юридической категорией, которая отражает собой абстрактное в праве, но все еще остается закрепленной широкой юридической нормой.

Вопрос — является ли добросовестность продолжением морали, которая необходима обществу, но не может быть полностью отра-

жена в законе, или особой формой закрепления юридического правила, в настоящее время является открытым.

Последнее разночтение, которое можно найти в литературе, относится к специальным нормам ГК РФ, которые содержат принцип добросовестности в его специальном проявлении (например, ст. 10, п. 5 ст. 166; п. 2 ст. 431.1; п. 5 ст. 450.1 ГК РФ):

1. Первая точка зрения гласит, что закрепление добросовестности в специальной норме, а не в качестве принципа, является закреплением нормы права, а потому перестает быть частью принципа, несмотря на то, что имеет отсылку к нему. Таким образом, принцип может действовать только в рамках еще непознанного и нового. А. М. Ширвинд, поддерживающий данную концепцию, пишет следующее: «Наполнение доброй совести материально-правовым содержанием осуществляют в основном а posteriori, систематизируя накопленный опыт „применения” принципа доброй совести... Эта работа нацелена на создание более или менее четких ориентиров, которые направляли бы дальнейшую судебную практику, повышая ее предсказуемость и проверяемость. Вызревающие здесь правила, институты, принципы со временем обретают самостоятельность и покидают родные пенаты, утрачивая связь с доброй совестью» [14].

2. Другая точка зрения состоит в том, что принцип добросовестности продолжается и конкретизируется в отдельных статьях, а не становится формальным правом. Данной точки зрения придерживается К. С. Скловский: «Принцип добросовестности на самом деле

конкретизируется в позитивном праве... анализ этих норм позволяет заметить, что они все же не утратили связи с доброй совестью и требуют обращения к ней, хотя значительно сужают рамки применения этого принципа» [4].

Мы выступаем за то, что принцип добросовестности конкретизируется в специальных нормах, а также становится более «осязаемым» при накоплении достаточного количества судебной практики, но это не отменяет его действия совсем.

Итак, мы проанализировали термин «добросовестность» в отечественном гражданском законодательстве. Выделяется субъективная (извинительное незнание) и объективная (принцип) добросовестности. Оба вида относятся к оценочным понятиям, однако субъективная добросовестность более четко определена в законе и выделяется фразой «не знал и не должен (был) знать», поэтому круг ее применения очерчен законодателем. Объективная добросовестность выражена только в виде принципа и может быть применена к любым гражданским правоотношениям. Несмотря на достаточно четкие указания Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25, в доктрине существуют некоторые разночтения. Мы рассмотрели разные точки зрения о появлении принципа добросовестности, а также о взаимосвязи принципа добросовестности и морали. Отметим, что разные точки зрения на объективную добросовестность не уменьшают ценности принципа добросовестности, а увеличивают уровень изученности и понимания данного правового института.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ : Принят Государственной Думой 21 октября 1994 года : редакция от 08.08.2024 № 237-ФЗ // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142
2. Скловский К. И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. № 9. С. 79–94.
3. Егоров А. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2. С. 4–10.
4. Скловский К. И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 94–118.
5. Егоров А. В. Объективная добросовестность. Что это? // Курс «Актуальные проблемы частного права: общая часть». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yuoJgJ00H5s>
6. Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3. С. 490–518.

7. Гаврилов Э. О введении в Гражданский кодекс РФ общих норм, устанавливающих принцип добросовестности // *Хозяйство и право*. 2013. № 8. С. 3–9.
8. «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ : Принят Государственной Думой 18 декабря 2012 года : Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года : редакция от 04.03.2013 № 21-ФЗ // Консультант-Плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188
9. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602
10. Бевзенко Р. С. Анализ тезисов о принципе добросовестности в гражданском праве // *Закон.ру* : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2019/8/20/analiz_tezisov_o_principe_dobrosovestnosti_v_grazhdanskom_prave. Дата публикации: 20.08.2019.
11. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. Москва : Статут, 2019. 278 с.
12. Голубцов В. Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения // *Российский юридический журнал*. 2020. № 2. С. 142–150.
13. Васильев А. С., Мурзин Д. В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020. № 3. С. 65–77.
14. *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева / отв. ред. А. М. Ширвиндт. Москва : Статут, 2014. 224 с.

References

1. Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994 No. 51-FL: Adopted by the State Duma on October 21, 1994: version dated August 8, 2024 No. 237-FL. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142
2. Sklovsky K. I. Application of the norms on good conscience in the civil law of Russia. *Hozyajstvo i pravo = Business and Law*. 2002;(9):79–94. (In Russ.).
3. Egorov A. The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation: the first steps of reform. *Legal Insight*. 2013;(2):4–10. (In Russ.).
4. Sklovsky K. I. Application of law and the principle of good faith. *Vestnik e`konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2018;(2):94–118. (In Russ.).
5. Egorov A. V. Objective good faith. What is it? Course "Current problems of private law: general part". (In Russ.). Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=yuojgJ00H5s>
6. Golubtsov V. G. Subjective good faith in the structure of the general concept of good faith. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*. 2019;(3):490–518. (In Russ.).
7. Gavrilov E. On the introduction of general norms establishing the principle of good faith into the Civil Code of the Russian Federation. *Hozyajstvo i pravo = Business and Law*. 2013;(8):3–9. (In Russ.).
8. "On Amendments to Chapters 1, 2, 3 and 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation": Federal Law dated December 30, 2012 No. 302-FL: Adopted by the State Duma on December 18, 2012: Approved by the Federation Council on December 26, 2012: version dated March 4, 2013 No. 21-FL. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188
9. "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 No. 25. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602
10. Bevzenko R. S. Analysis of theses on the principle of good faith in civil law. *Zakon.ru*: site. (In Russ.). Available from: https://zakon.ru/blog/2019/8/20/analiz_tezisov_o_principe_dobrosovestnosti_v_grazhdanskom_prave. Publication date: August 20, 2019.
11. Nam K. V. The principle of good faith: development, system, problems of theory and practice. Moscow: Statut; 2019. 278 p. (In Russ.).
12. Golubtsov V. G. The principle of good faith and the meaning of civil legislation: the logic of legislative changes and the tasks of law enforcement. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal = Russian Law Journal*. 2020;(2):142–150. (In Russ.).

13. Vasiliev A. S., Murzin D. V. Subjective good faith in civil law: functions, degrees, presumptions. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2020;(3):65–77. (In Russ.).

14. Aequum ius. From friends and colleagues on the 50th anniversary of Professor D. V. Dozhdev / ed. by A. M. Shirvindt. Moscow: Statut; 2014. 224 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И. К. Мазур — аспирант.

Information about the author

I. K. Mazur — a postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 11.09.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 23.09.2024.

The article was submitted 11.09.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 23.09.2024.